

Любич-Кошуров Иоасаф Арианович

**Проблески. Рассказы для
детей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И75

И75 **Иосаф Арианович Л.**
Проблески. Рассказы для детей / Любич-Кошуров Иосаф Арианович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 84 с.

ISBN 978-5-519-94402-1

Содержание. Примерная мать; Маленький лентяй; Гриша или Любовь
сестры; Васютка и Лапка

ISBN 978-5-519-94402-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Примѣрная мать.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Внизу, въ первомъ этажѣ, громко скрипя на петляхъ и визжа блоками, отворилась и потомъ затворилась, глухо хлопнувъ, выходная дверь.

Дарья Ивановна высунулась изъ-за красной занавѣски, раздѣлявшей небольшой узенькій коридорчикъ на двѣ половины: одну, гдѣ ея жильцы снимали калоши и верхнее платье, и другую, гдѣ была русская печь, и прислушалась.

Въ ожиданіи прихода дѣтей и жильцовъ, являвшихся обыкновенно послѣ трехъ - четырехъ часовъ, Дарья Ивановна перемывала у себя за занавѣской въ кухнѣ обѣденную посуду.

Жильцы у Дарьи Ивановны жили по нѣсколько лѣтъ, и сама Дарья Ивановна тоже ужъ нѣсколько лѣтъ не мѣняла квартиры.

Квартиру она держала не изъ дорогихъ въ двухъ-этажномъ деревянномъ домѣ въ одномъ изъ кривыхъ переулковъ около Сѣнной площади.

Всѣ двери въ такихъ квартирахъ, выходящія на лѣстницу, непремѣнно скрипятъ и визжать и хлопаютъ, когда ихъ затворяютъ и отворяютъ.

Всѣ онѣ точно жалуются на что-то громко, пронзительно на весь домъ: будто ихъ ржавыя съ перегорѣлыми отъ ржавчины шляпками винтовъ петли только и ждутъ того, чтобы кто-нибудь толкнулъ дверь и далъ бы имъ возможность крикнуть:

„Да подлейте же хоть разъ за нашу долгую службу въ насъ масла!“

И потомъ притихнуть на мгновенье, чтобы и дверь тоже безъ помѣхи могла грубо и глухо крикнуть вслѣдъ жильцу, стукнувъ о притолку:

„У, чтобъ тебя!“

Въ домѣ было много квартиръ и много дверей. Но Дарья Ивановна, иногда даже находясь на улицѣ за воротами и слыша этотъ хорошо знакомый скрипъ и визгъ, тутъ же рѣшала, у нея ли на лѣстницѣ отворили дверь или на другой лѣстницѣ...

Совершенно такъ же узнавала она по скрипу сапогъ, по кашлю и по тому опять-таки какъ визжитъ и хлопаетъ дверь, кто пришелъ изъ ея жильцовъ.

Всѣ взбирались по лѣстницѣ по-своему, и всякій по-своему отворялъ и затворялъ выходную дверь.

Высунувшись изъ-за занавѣски, Дарья Ивановна повернула голову ухомъ къ двери, вытянувъ худую длинную шею.

Ея тонкія рѣденькія брови приподнялись, кожа на широкомъ выпукломъ лбу собралась въ морщины, очень длинныя, извилистыя, пересѣкавшія лобъ во всю ширину отъ виска до виска.

Послѣ того, какъ скрипнула дверь, на лѣстницѣ стало тихо.

Не мѣняя положенія, Дарья Ивановна опустила медленно внизъ руки и, захвативъ за уголокъ край клѣтчатаго фартука, также медленно, все продолжая прислушиваться, стала вытирать о фартукъ руки.

На лѣстницѣ слышался кашель раскатистый, дребезжащій. Сквозь этотъ кашель чуть слышно доносился скрипъ сапогъ. Кашель не прекращался долго; онъ словно вдругъ наполнилъ всю лѣстницу, и, словно въ отвѣтъ ему и въ тонъ ему отдаваясь во всѣхъ углахъ, закашляли стѣны, дверь наверху и внизу, окно, выходившее съ лѣстницы на дворъ...

Словно самъ старый деревянный домъ закашлялъ. Дарья Ивановна усмѣхнулась.

Выпустивъ изъ рукъ уголокъ фартука, она вышла изъ-за занавѣски и подошла къ двери.

Она ужъ знала, кто взбирается по лѣстницѣ.

Кашель и скрипъ сапогъ и скрипъ самой лѣстницы на мгновенье словно вдругъ облеклись въ плоть и кровь...

Этотъ кашель и этотъ скрипъ, казалось, не просто звучать по лѣстницѣ, а взбираются со ступеньки на ступеньку тяжело и грузно, чувствуя себя не совсѣмъ удобно въ черныхъ тяжелыхъ яловочныхъ сапогахъ, въ старомъ изъ толстаго сѣраго драпа офицерскаго пальто съ поперечными на плечахъ погонами.

Круглое лицо съ обвислыми какъ мѣшки щеками покраснѣло; ротъ съ чуть-чуть выступающей нижней губой полуоткрытъ, глаза, маленькіе, безъ рѣсницъ, округлились и выкатились.

И нѣтъ сейчасъ въ этихъ глазахъ никакой мысли, никакого выраженія; они какъ стеклянные—изъ бѣлесиняго мутнаго стекла. Словно это не глаза, а круглые пузырьки мыльнаго цвѣта, вздувшіеся изъ-подъ красныхъ припухлыхъ вѣкъ... Даже зрачковъ не видно. Вмѣсто зрачковъ блестятъ будто не своимъ, а отраженнымъ свѣтомъ маленькія-маленькія свѣтлыя точки.

Кашель прекратился.

Перестали скрипѣть сапоги и лѣстница.

Потомъ сапоги и лѣстница опять закрипѣли.

Секунду спустя, звякнулъ дверной колокольчикъ.

Дарья Ивановна привычной рукой быстро скинула цѣпочку на двери и отперла дверь настежь во всю ширину.

На площадкѣ лѣстницы стоялъ человѣкъ въ фуражкѣ съ кокардой и въ сѣромъ военномъ пальто, застегнутомъ только на одну пуговицу внизу. Его фуражка съ околышемъ цвѣта старой полинявшей свѣтлоглубой ленты была сдвинута на лобъ. Кожаный не въ мѣру большой черный козырекъ, казалось, попавшій на эту фуражку совсѣмъ случайно съ какой-то другой фуражки, насунулся надъ глазами, закрывая весь лобъ и почти весь носъ.

Сначала въ глаза только и бросился этотъ козырекъ.

Словно тотъ, кто работалъ эту фуражку, безызвѣстный маленькій человѣчекъ—картузникъ-мастеръ—зналъ тайну унижить человѣка, стоявшаго на нѣсколько ступеней выше его на лѣстницѣ общественныхъ отношеній, пришибить его сразу, приплюснуть своей исколотой иглками ладонью...

И потомъ смѣяться потихоньку изъ подвального окна своей мрачной мастерской и злорадствовать, какъ злорадствуетъ гномъ, зачаровавшій великана такъ, что тотъ сталъ смѣшнымъ въ глазахъ другихъ великановъ, хотя ни самъ великанъ, ни другіе великаны не знаютъ и не поймутъ никогда, гдѣ и въ чемъ именно скрыты эти чары злой насмѣшки...

Когда картузъ отставного капитана Дмитріева висѣлъ въ прихожей, прикрывая собою верхнюю часть его драповой шинели, въ картузѣ не было ничего смѣшного.

И тоже не было ничего смѣшного въ капитанѣ Дмитріевѣ, если капитанъ сидѣлъ безъ своей фуражки

за чаемъ или обѣдомъ или въ пивной: онъ ничѣмъ не выдѣлялся и не останавливалъ на себѣ ничего вниманія.

Но стоило только надѣть ему картузь,—весь онъ, вся его фигура преображались какъ по волшебству.

Словно и правда картузь этотъ былъ волшебный и скрывавшаяся въ немъ насмѣшка развертывалась, какъ яркій цвѣтокъ, едва Дмитріевъ облакалъ въ него свою голову...

Капитанъ словно вдругъ становился ниже, словно назади у него выросалъ горбъ.

Что-то пришибленное и вмѣстѣ мрачное было въ немъ, когда онъ, сгорбившись, поднявъ воротникъ пальто и опираясь на палку, пробирался по тротуару, сворачивая еще задолго до встрѣчи передъ каждымъ встрѣчнымъ, ни на кого не глядя, торопливо сѣменя ногами въ большихъ скрипучихъ сапогахъ.

У капитана былъ какой-то странный музыкальный инструментъ въ родѣ гитары.

Инструментъ этотъ онъ вывезъ изъ Сербіи.

Когда онъ возвращался домой послѣ своихъ путешествій по городу, онъ садился на кровать по-турецки, бралъ свою музыку и начиналъ напѣвать, чуть слышно перебирая струны:

Время пролетѣло,—
Слава прожита.

А въ сосѣдней комнатѣ занимавшіе эту комнату приказчики изъ сосѣдней молочной шептались:

— Картузь поетъ...

И начинали смѣяться.

Можетъ, и правда, въ эти минуты имъ представлялся старый съ приплюснутымъ большимъ козырькомъ картузь на ножкахъ и съ гитарой въ рукахъ.

Перегородки между комнатами были тоненькія. Кто-то изъ жильцовъ Дарьи Ивановны называлъ ихъ даже телефонами.

— Картузь, картузь заигралъ на гитарѣ.
А старый сербскій инструментъ плакалъ съ дрожью:

Вѣче опустѣло,—
Сила отнята...

Казалось, этот смѣхъ и этотъ шопоть за перегородкой, прорывавшійся черезъ перегородку въ комнату къ капитану, забирался къ нему въ гитару, и звуки, рождавшіеся въ ней, горѣли еще большей болью и безнадёжной тоской.

Словно смѣхъ и шопоть говорили имъ:

„Пролетѣло, пролетѣло... Все пролетѣло“.

Дарью Ивановну пѣніе и игра капитана всегда повергали въ какое-то меланхолическое состояніе.

Она мыла тарелки или перетирала чайную посуду, дѣлая все это совершенно машинально, выпрямившись и смотря не на столъ, гдѣ была посуда и стоялъ тазъ съ теплой водой, а прямо впередъ передъ собой и тоже напѣвала безъ словъ и почти безъ звука:

Вѣче опустѣло,—
Сила отнята...

У нея въ комнатѣ тикали часы, въ клѣткѣ прыгалъ чижикиъ.

Только одни эти звуки и нарушали тишину, бывшую въ квартирѣ. И, казалось, въ тиканьѣ часовъ и въ томъ, какъ прыгаетъ чижикиъ въ клѣткѣ, тоже схоронилась грусть, и часы стучатъ потому тише и будто съ разстановкой затягивая и задерживая каждый ударъ маятника, словно они прислушиваются къ чему-то.

II.

— Пожалуйте,—сказала Дарья Ивановна и отступила въ глубину прихожей, оставивъ дверь раскрытой.

Капитанъ вошелъ вслѣдъ за ней въ прихожую, все также согнувшись немного, какъ онъ всегда ходилъ, снялъ свой картузъ, поглядѣлъ вверхъ на вѣшалку и повѣсилъ на нее картузъ.

Потомъ повернулся лицомъ въ уголъ и сталъ снимать калоши.

Калоши у него были кожаныя, очень узкія, и онъ всегда, снимая, долго возился съ ними.

Упершись лѣвой рукой въ стѣнку, онъ вытянулъ впередъ одну ногу, поставилъ ее краемъ каблука на полъ, а другой ногой носкомъ уперъ о край задника калоши.

— Хоть бы вы завели себѣ что полегче,—сказала Дарья Ивановна; — напимѣрь, теперь можно купить резиновыя за рубль съ четвертью.

Капитанъ глянулъ на нее изъ-подъ руки снизу подъ-мышку и произнесъ, крикнувъ:

— Ничего-съ, мы ходимъ и въ этихъ. На мой вѣкъ хватить.

Наконецъ, онъ снялъ калоши.

Онъ повернулся къ Дарьѣ Ивановнѣ и проговорилъ, протягивая ей руку:

— Мое почтеніе-съ...

— Здравствуйте.

Капитанъ повернулся и вошелъ къ себѣ въ комнату.

Дверь къ нему въ комнату вела прямо изъ прихожей.

Секунду или двѣ Дарья Ивановна постояла въ передней тамъ, гдѣ здоровалась съ капитаномъ, потомъ на цыпочкахъ подошла къ его двери и, взявшись рукой за скобку, спросила:

— Вамъ ничего не нужно?

— Дарья Ивановна! — крикнулъ капитанъ за дверью.

Вѣроятно, онъ не слышалъ, что сказала ему Дарья Ивановна.

Дарья Ивановна сейчасъ же растворила дверь.

Прямо ей въ лицо брызнулъ снопъ солнечныхъ лучей. Занавѣски на окнахъ у капитана были подняты,

и солнце ярко свѣтило въ окна, заливая сплошь стекла и рамы оконъ; переплеты рамы, казалось, расплывались и тонули въ стеклахъ.

Капитанъ стоялъ посрединѣ комнаты спиной къ окну.

Солнце освѣщало его сзади.

Волосы у него были немного взъерошены и пронизанные насквозь на вискахъ и темени солнечнымъ свѣтомъ казались легкимъ пухомъ.

Когда Дарья Ивановна отворила дверь, капитанъ поднесъ руку ко рту и кашлянулъ въ руку.

Потомъ онъ опустилъ руку, оперся ею о край стола, около котораго стоялъ, и задомъ тоже прислонился къ столу.

Онъ опустилъ голову.

Его отвислыя щеки легли, образуя складки, на высокой твердой воротникъ сюртука. Складки расположились и на шеѣ сейчасъ же около скуль. Смотрѣлъ онъ внизъ, полуприкрывъ глаза припухлыми вѣками.

Въ ожиданіи, что скажетъ ей капитанъ, Дарья Ивановна остановилась у порога.

Дверь сзади нея оставалась открытой.

— Закройте дверь, Дарья Ивановна!

И капитанъ откачнулся отъ стола и выпрямился.

Дарья Ивановна осторожно, стараясь производить возможно меньше шума, заперла дверь.

— Вотъ что, Дарья Ивановна...

Капитанъ опять опустилъ голову и опять прислонился къ столу.

— Гмъ...

Онъ сморщилъ брови и, глядя куда-то внизъ и немного въ бокъ однимъ глазомъ, потянулъ себя за усъ.

— Вотъ что... Видите, что случилось.

И вдругъ поднялъ голову и взглянулъ на Дарью

Ивановну прямо ей въ лицо, не мигая, выкативъ глаза. На мгновенье глаза у него, казалось, застыли.

— Я на счетъ вашихъ сыновей... Сейчасъ мы тутъ...

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою въ сторону окна.

Дарья Ивановна широко открыла глаза. Ротъ у нея тоже полуоткрылся. Она была пряма, какъ палка, но сейчасъ она будто еще болѣе выпрямилась и вытянулась...

Капитанъ махнулъ рукой въ ея сторону.

— Да ничего. Вы не бойтесь. Дѣло обычное...

Дарья Ивановна закусилла нижнюю губу. Теперь въ глазахъ ея засвѣтилась тревога.

— Эхъ, Дарья Ивановна...

Тутъ капитанъ совершенно неожиданно сдѣлалъ шагъ къ Дарьѣ Ивановнѣ, сдѣлалъ другой шагъ и потомъ протянулъ къ ней руку.

Голова у него задрожала, по лицу точно пробѣжала судорога, и все лицо вдругъ словно покрылось рябью. Между большими показались мелкія морщинки.

— Дарья Ивановна!

Онъ мигнулъ вѣками и опять повторилъ:

— Эхъ, Дарья Ивановна.

И, подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ, взялъ Дарью Ивановну за руку.

Потомъ онъ поцѣловалъ у Дарьи Ивановны руку, держа ее въ своей рукѣ за кончики пальцевъ, а свою другую руку заложивъ за спину сверху кармана сюртука, какъ разъ на поясницѣ ладонью вверхъ.

— Они на войну идутъ, Дарья Ивановна... Волонтерами.

И при этомъ капитанъ выпрямилъ спину и засмѣялся, какъ-то странно прищутивъ глаза, дробнымъ смѣхомъ.